

Евгений Деменок

В гостях у Кандинского. Дессау

Смотреть по сторонам, вне всякого сомнения, полезно. Так же, как и крутить головой (как минимум для разминки шеи). Особенно когда ты путешествуешь, пусть даже и ведешь машину, и сосредоточен на дороге. А как не быть сосредоточенным? В Германии на автобанах нет ограничений скорости, так что если хочешь что-то увидеть, нужно ехать в правом ряду, где-то среди грузовиков, или же съехать на второстепенную дорогу.

Обычно мы ездим из Праги в Амстердам через юг Германии. Нюрнберг – Франкфурт – Бонн – Кельн. Так было и в этот раз, в ноябре 2019-го. Но под Франкфуртом всегда невероятные пробки, которые надоели нам настолько, что обратно мы решили поехать по «северному пути». Незаменимый *Waze* показал, что ехать в Прагу через Ганновер – Магдебург – Дрезден гораздо быстрее. Это раз. По этому маршруту мы еще не ездили – это два. Оттого решение было единогласным.

Остановиться на ночь сначала хотели в Магдебурге – все же название известно еще со школьных времен, – но потом я нашел отель в замке с тысячелетней историей *Wasserburg zu Gommern*. Подъезжая к городку Гоммерн, я увидел указатель на Дессау. И сердце мое учащенно забилося.

Как-то так получилось, что именно в год столетия Баухауса (да-да, я знаю, что писать его название нужно с маленькой буквы, но рука не поднимается) я им наконец заинтересовался. До этого я представлял его себе как сугубо утилитарную, прагматичную, лишённую романтики школу, в которой пытались рационализировать среду человеческого обитания с немецкой холодностью

и практичностью. Индивидуальность словно стиралась в этих стандартных массовых домах. Недаром масштабный жилой проект Вальтера Гропиуса, реализованный им в Западном Берлине уже в 1960-м, стал на долгое время настоящим гетто. Лишь два имени скрашивали для меня холодность Баухауса – Кандинский и Клее. «Недаром они в Дессау жили в одном доме и вообще дружили», – думал я.

Сразу скажу – я был совершенно не прав. Для того чтобы понять это, и нужно было приехать в Дессау.

Но я же не зря писал о верчении головой. По пути в Дессау на дорожных указателях мы увидели смутно знакомое название – Цербст. Короткий брейнсторминг – и мы с женой вспоминаем, что наша Екатерина II, основательница Одессы, в девичестве носила имя София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская. А значит, впереди – ее родовое имение.

Пока один ведет машину, другой может гуглить – спасибо мобильному Интернету. За десять минут перед нами открылась цепочка удивительных совпадений, связанных с Одессой.

И Магдебург, и Цербст, и Дессау расположены в немецкой земле Саксония-Анхальт.

Своим названием современный Анхальт обязан родовой крепости Асканиев, Ангальт. Род Асканиев – немецкий княжеский род, известный с XI века.

Известный всем заповедник «Аскания-Нова» был основан в 1828 году герцогом Фердинандом Фридрихом Ангальт-Кетенским, представителем одной из ветвей рода Асканиев и дальним родственником Екатерины II. Император Николай I продал ему землю для создания овцеводческой колонии герцогства Ангальт-Кетен. В царском указе от 1 марта 1828 года значилось: «Цель сего поселения состоит в том, чтобы оно служило образцом большого благоустроенного сельского хозяйства, соединенного с фабричной промышленностью». В 1841 году Фердинанд Фридрих назвал местность Аскания-Нова по имени своего родового имения Аскания. А после его смерти землю купила семья Фальц-Фейнов. Именно Фридрих Фальц-Фейн основал в Аскании заповедник, названный сейчас его именем. А в Одессе Фальц-Фейнам принадлежал не только знаменитый Дом с атлантами на улице Гоголя,

но и большая консервная фабрика. Софья Богдановна Фальц-Фейн, железной рукой управлявшая хозяйством вместе со своим мужем Эдуардом Ивановичем, а после его смерти с его братом Густавом Ивановичем, который стал ее вторым мужем, вели торговлю шкурами, шерстью и мясом через одесский порт. Софья Богдановна основала даже собственное пароходство, построив в селе Хорлы возле Перекопа порт, вода в котором подогревалась незамерзающим горячим источником. В конторе порта и расстреляли восьмидесятичетырехлетнюю женщину в ночь с 16 на 17 июня 1919 года большевики. Незадолго до этого она отказалась покидать родину, хотя сын, Владимир Эдуардович (окончивший, кстати, в Одессе Ришельевскую гимназию и Новороссийский университет), даже прислал за ней греческий эсминец и два русских военных корабля. Софья Богдановна была уверена, что ей, сделавшей столько хорошего для родной страны и людей, ничего не угрожает. Как оказалось, она просто не знала этих людей.

Семья одного из ее сыновей, Александра, чудом избежала подобной ситуации в Петрограде в 1918 году. Благодаря счастливой случайности избежав ареста и оставив на родине абсолютно все, они бежали в Финляндию. Сын Александра, барон Эдуард Олег Александрович фон Фальц-Фейн, проживший большую часть жизни в Лихтенштейне, стал известным бизнесменом, коллекционером и меценатом. В сентябре 1995 года благодаря его усилиям в Цербсте появился музей Екатерины II. Барон договорился с бургомистром о том, что город отреставрирует здание под музей, а сам он отдаст из своей коллекции экспонаты, связанные с императрицей.

Настоящей страстью Эдуарда Фальц-Фейна стало возвращение культурных ценностей в Россию и Украину. Он покупал на аукционах то, что было вывезено в дореволюционный период и во время мировых войн, и возвращал в музеи. В 1975 году на аукционе «Sotheby's» в Монте-Карло барон познакомился с легендарным литературоведом и искусствоведом Ильей Самойловичем Зильберштейном, который по поручению библиотеки имени Ленина приехал на аукцион за книгой из коллекции Дягилева-Лифаря. На аукцион Зильберштейн опоздал, но книгу купил Фальц-Фейн и с радостью подарил библиотеке. После этого

они с Зильберштейном сдружились. Об Илье Самойловиче можно писать много, но главное – именно он стал основателем серии сборников «Литературное наследство», создателем московского Музея личных коллекций, в экспозиции которого центральное место занимают более двух тысяч произведений из его собственного собрания, а это работы Рембрандта, Тьеполо, Айвазовского, Шишкина, Венецианова, Репина и других. Именно Зильберштейн стал первым в советское время уважительно писать о русской эмиграции. И – что бы вы думали – он родился в 1905 году именно в Одессе!

А самое главное – в Одессе вырос Василий Кандинский. В гости к которому, в Дессау, мы и мчались, оставив Цербст позади.

Баухаус «переехал» в Дессау в 1925 году, после того как школу выгнали из Веймара за революционную новизну и политическую «левизну» ряда преподавателей и студентов. Целый ряд немецких городов предложил им тогда перебраться к себе. Но Дессау предложил самые выгодные условия. 25 мая 1925 года бургомистр Фриц Гессе подписал с основателем и директором Баухауса Вальтером Гропиусом договор, предусматривавший не только финансирование со стороны города, но и строительство новых зданий.

И Дессау не прогадал. Сейчас там настоящее паломничество. Поклонники идей Баухауса приезжают туда со всего мира. За час, который мы провели в только что открывшемся музее, туда приехали четыре группы – и это утром в будний день. А у здания Баухауса, построенного Гропиусом, автобусы останавливались один за другим. Японские студентки фотографировали друг друга на фоне надписи на боковой стене здания, даже не пытаясь сдерживать свои восторг и волнение. Да и сам я, неоднократно видевший это здание на фотографиях и в фильмах, неожиданно расперевживался и обошел его по кругу, сделав больше сотни фотографий, и не уставал поражаться тому, как замечательно Гропиус умел работать со светом – мастерские просто залиты им. В общем, к виллам преподавателей, которые расположены в полукилометре от основного здания, я прибыл уже совершенно «подогретым» – в хорошем смысле слова. Эйфория – вот самое подходящее определение чувства, которое я испытывал. Ведь совсем рядом был дом Кандинских!

А вот Нина Кандинская в свой первый приезд в Дессау эйфорию поначалу не испытывала. «Первое впечатление было не очень захватывающим, однако вскоре оно переменялось», – вспоминала она.

Дессау был тогда, в 1925-м, гораздо «продвинутое» Веймара. «Со временем между баухаусцами и жителями Дессау установились добрые отношения», – писала Кандинская. «Жители мыслили современно, и благодаря их отзывчивости Баухаус обрел новую родину». Веймарцы же относились к школе с предубеждением, подозревая в преподавателях и студентах или евреев, или коммунистов, или и то, и другое.

«Дессау был резиденцией анхальтских князей, о чем напоминали городской дворец, частью построенный Кнобельсдорфом, позднеготическая дворцовая церковь со знаменитыми произведениями Лукаса Кранаха, а также замки Верлиц и Ораниенбаум. Население было заметно приветливее и терпимее, чем в Веймаре. Здесь уже веяло духом XX века, здесь была развита промышленность, и Юнкерс производил свои самолеты».

Кто мог тогда знать, что в 1945 году союзная авиация разбомбит Дессау, разрушив его на восемьдесят процентов, во многом из-за этого самого завода Юнкерса, социалиста и пацифиста, изобретателя современных газовых колонок, заложившего основы современной гражданской авиации, которого нацисты отстранили от руководства собственным заводом и посадили под домашний арест сразу после прихода к власти? Тогда же был разрушен и дом Вальтера Гропиуса, первого директора Баухауса, и стоявший рядом дом Ласло Мохой-Надя. А еще – фамильный замок Екатерины II, от которого остались лишь руины восточного флигеля...

Но в середине 1920-х все казалось почти идиллическим.

Нина Кандинская вспоминала о том, что они с мужем объездили на велосипеде все окрестности Дессау. Поразительно – одесские художники обожали писать цветущую сирень, и жившие в Дессау по соседству Кандинские и Клее тоже ее обожали: «Каждый год мы предвкушали, когда настанет пора цветения сирени в Дессау. Тогда, обычно вместе с Клее, мы нанимали ландо, запряженное парой лошадей, и кучер возил нас по дворцам в окрестнос-

тях города. <...> Знатоки архитектуры Клее и Кандинский всегда оказывались в таких поездках прекрасными экскурсоводами».

На средства города было построено не только здание школы, но и семь квартир – фактически домов – для преподавателей: отдельный дом для Вальтера Гропиуса и три двухквартирных дома: для Мохой-Надя и Лионеля Фейнингера, Мухе и Шлеммера, Кандинского и Клее с семьями. Дома были готовы к заселению поздней осенью 1926-го. «Они стояли в центре светлого соснового лесочка неподалеку от главного здания Баухауса», – писала Нина Кандинская. Они и сейчас там, в шестистах метрах от учебного корпуса. Нужно лишь немного проехать прямо по Гропиус-аллее и повернуть налево, на Эберт-аллее. Тогда она называлась Бюргкюнауэр-аллее, и именно Кандинская попросила бургомистра построить там дома.

«Когда мы въехали в наши сдвоенные дома, случилось то, что считалось невозможным: новая родина открылась нам и увлекла гостеприимной атмосферой. Конечно, поначалу мы вращались только среди своих. Обустройство дома отнимало время, кроме того, мы оба работали в маленьком саду у дома, а наше воодушевление все росло. Мы сажали сирень и разводили розы, которые, к нашей радости, быстро прижились». Счастливый Кандинский даже писал в Дрезден приятелю Виллу Громану: «Здесь так чудесно: мы живем на природе далеко от города, слышим петухов, птиц, собак, вдыхаем запах сена, цветущей липы, леса. За несколько дней здесь мы совершенно изменились».

Новые дома преподавателей стали диковинкой благодаря своей революционной архитектуре. Туда начали специально ездить журналисты. Нина Кандинская в книге «Кандинский и я» приводит слова журналистки Фаннины Халле:

«Насколько все четыре дома преподавателей похожи снаружи, настолько разительно отличаются друг от друга внутри. <...> В доме Василия Кандинского – вход слева. Минует скромное помещение, окрашенное в бледно-розовый цвет с одной позолоченной стеной, затем другое, окрашенное в чистый черный, но как двумя солнцами освещенное яркой светоносной картиной и белоснежной отражающей поверхностью большого круглого стола, поднимаешься по узкой лестнице в мастерскую художника

и сразу понимаешь, что ему нравятся чистые холодные цвета и что каждая форма здесь, каждый оттенок цвета и их сочетания наделены определенным смыслом.

Дверь открывается, и мы оказываемся в уединенном царстве. Его неустанный творец и владыка, вечно юный и всех превосходящий, еще в 1912 году – до войны, революции и сменявших друг друга «измов» бунтарски пророчествовал начало новой эры, новой духовности. Нас захлестывает круговорот больших и маленьких, вечно обновляющихся волшебных миров, доведенных мастером до степени совершенства, они – как спелый фрукт, любовно наколдованный в масляной краске и темпере, акварели и гуаши».

Уединенное царство – это мастерская. Меня всегда поражают фотографии художников, сделанные в начале прошлого века. Они даже на пленэр ходили в костюме. Не могу понять, как они не пачкались! Вот и Кандинский был чистюлей. «Он обладал выраженным стремлением к чистоте и порядку. Эта черта характера

особенно проявлялась в его мастерской. «Если художник терпит в своей мастерской грязь, это свидетельство дурного вкуса. Я смогу заниматься живописью и в смокинге», – вспоминала Нина Кандинская.

В Дессау Василий Кандинский пережил необычайный творческий подъем: «...этот период был, скорее всего, самым продуктивным в его жизни. Между 1925 и 1933 годами были созданы 289 акварелей и 259 картин. <...> Между 1925 и 1928 годами выделяется так называемая «эпоха круга». На годы работы в Дессау выпадает и открытие Кандинским романтической абстракции». В это время его работы активно начинают приобретать музеи – в частности, музей Гуггенхайма.

Кандинский пользовался необычайной популярностью в Дессау. Он был желанным гостем в доме наследной принцессы Элизабет Анхальт-Дессауской, которая высоко ценила его искусство. О том, с каким почтением к Кандинскому относились в городе, говорит то, что к его 60-летию здесь была организована его персональная выставка.

Позолоченная стена в гостиной «дожила» до наших дней. Ее и оригинальный пол из триолина – пластика, который в середине 1920-х годов использовался в Германии вместо дорогого линолеума, – с гордостью показывает сейчас посетителям смотритель родом из Ирана.

Мы наконец в доме. Комнаты пусты, лишь в гостиной и мастерской стоят экраны, на которых демонстрируются фотографии, сделанные в те славные времена. Но воображение дополняет все остальное. Поражаемся встроенным шкафам. Представляем, как выглядела кухня. Любуемся соснами, которые видны из каждого окна. И не можем понять, как Кандинские умудрялись устраивать в небольшой гостиной званые вечера.

«Дважды в год в нашем доме бурлили события – на Новый год и во время карнавала. На Новый год мы приглашали обычно несколько семей: Клее, Гроте и Альберсов. Иногда к гостям присоединялись Мухе с женой. Кандинский, обычно никогда не танцевавший, на Новый год делал исключение. К полуночи он превозмогал себя, как и Клее, и шел со мной на танцевальную площадку. Нашим коронным танцем всегда был вальс Штрауса

«Голубой Дунай». Я готовила гостям холодные закуски, с которыми подавали шампанское. А 24 декабря мы праздновали в узком кругу – только с семьей Клее».

Вообще балы и вечеринки в Баухаусе любили. И подходили к их организации творчески. Когда новое здание Баухауса в Дессау было построено, 2 декабря 1926-го в актовом зале состоялся праздник, в котором участвовала тысяча гостей из Германии и из-за границы. В балах Баухауса принимал участие и молодой принц Анхальтский, «прекрасный танцор», как вспоминала Нина Кандинская.

А у самих Кандинских костюмированный праздник состоялся 8 марта 1927 года, в день, когда они получили германские паспорта. Режиссуру праздника взял на себя легендарный Оскар Шлеммер, который нашел для преподавателей маскарадные костюмы в Театральном фонде Дессау. Клее был на празднике восточным шейхом, Фейнингер – махараджей, Мохой-Надь надел униформу князя Леопольда Анхальтского, Марсель Брейер сам сшил костюм, пародировавший моду разных времен. Нина Кандинская надела короткое тюлевое платье, а Василий Васильевич – баварские шорты и фрак.

Семья Клее была самой близкой для Кандинских и в Веймаре, и в Дессау. «Тонкая стена отделяет рабочее пространство Кандинского от мастерской Пауля Клее», – писала Фаннина Халле. Кандинские и Клее даже не разделяли подвальные – технические – помещения и садовые участки. Но часто разделяли... трапезу. Нина Кандинская описывает воспоминания сына Пауля Клее, Феликса: «Обычно за едой принято общаться. Только не у Кандинских. Кандинский сидел за столом как пророк, держа рядом с собой книгу, и во время еды читал. Я до сих пор помню, что на ужин был жареный картофель и ветчина. На каждый кусочек Кандинский намазывал толстый слой острейшей горчицы. Я был озадачен, потому что у Кандинских все было не как у нас. К ужину полагался крепкий черный чай. Еда была священнодействием – культом. Это произвело на меня необычное впечатление».

Еще один забавный момент случился во время обязательного дневного отдыха Кандинского. Нина в это время крепила на двери дома табличку «14:00-15:00 – закрыто». Но однажды именно

в это время в двери постучал нищий. Нина рассердилась, подошла к окну и крикнула ему: «Вы что, читать не умеете? Между двумя и тремя часами не открываем!». На что нищий ответил: «Я не буду из-за вас прерывать свой маршрут».

Мы еще раз обходим дом, поднимаясь по узкой лестнице. Я держу в руках книгу Нины Кандинской:

«Нельзя сказать, чтобы мы с Кандинским были счастливы жить в архитектуре Гропиуса. Она имела ряд недостатков, делавших нашу жизнь не слишком комфортной. Например, Гропиус сделал в холле огромную прозрачную стену, так что любой мог заглянуть с улицы внутрь дома. Это мешало Кандинскому, который всегда тщательно ограждал свою частную жизнь. Недолго думая он покрасил стену изнутри белой краской.

Гропиус протестовал против использования цвета в своей архитектуре. Кандинский, напротив, очень ценил жизнь в окружении цвета, поэтому мы поручили перекрасить стены, и в частности столовую, взяв черный и белый за основу. Представители Баухауса считали, что будет мрачновато, но получилось с точностью до наоборот: контраст черного и белого создал радостную атмосферу.

Гостиная была выкрашена в бледно-розовый, а стены ниши покрыты листовым золотом. Спальня приобрела миндально-зеленый оттенок, мастерская Кандинского – светло-желтый, а комната для гостей – светло-серый. Стены моей маленькой комнаты сияли бледно-розовым цветом. Все оттенки были подобраны Кандинским интуитивно очень точно, и благодаря такому удачному выбору наша квартира в Дессау казалась светлой и просторной».

Почти все эти цвета воспроизведены в доме Кандинского сегодня. Жаль, что нет мебели – той самой знаменитой мебели гениального Марселя Брейера, венгерского еврея, который в Веймаре был учеником Баухауса, а в Дессау – уже преподавателем. Как и Кандинский, я тоже влюбился в мебель Брейера с первого взгляда. Правда, сейчас она стоит «немного» дороже... А тогда Брейер сначала сделал для Кандинских эскиз обстановки столовой и спальни, а потом и саму мебель, которая по просьбе Кандинского, переживавшего в ту пору «эпоху круга», содержала как

можно больше элементов в форме окружности. Нина Кандинская вспоминала: «Я однозначно склоняюсь к черному и белому цветам», – сообщил он Брейеру, который, точно следуя пожеланиям Кандинского, создал мебель на века. Я до сих пор пользуюсь ею в своей парижской квартире, и она всегда вызывает живую реакцию гостей. Кандинский восхищался надежностью, скромностью и простотой изделий Брейера. Впервые он увидел его мебель на выставке Баухауса. На выставке 1925 года он был в таком восторге от выставленных металлических кресел и стульев, что недолго думая приобрел одно из кресел и два стула. Он был в числе первых покупателей этих моделей Брейера. В 1960-е годы кресла по таким образцам начала производить мебельная фабрика в Болонье. По желанию Брейера металлическое кресло вошло в модельный ряд под названием «Василий».

Сейчас оригинальные, созданные Брейером кресла стоят около пятидесяти тысяч долларов, а их реплики производятся многими компаниями. Четыре таких кресла торжественно стоят в холле второго этажа здания Баухауса в Дессау...

Иногда случается так, что в одно время в одном месте собирается группа гениев. И тогда то, что они делают, становится эпохальным. Баухаус стал, вне всякого сомнения, главной школой архитектуры и дизайна XX века. Конечная цель, к которой стремился Вальтер Гропиус, – помочь студентам объять жизнь во всей ее космической полноте, объединить все виды художественного творчества, все художественно-производственные дисциплины «как неразрывные части универсального творчества». «Конечной, пусть и далекой, целью Баухауса является создание синтетического произведения искусства – огромного строения, в котором нет границ между монументальным и декоративным искусством», – писал он.

Задуманное удалось. И пусть Баухаус просуществовал всего четырнадцать лет, до момента разгона его нацистами в 1933 году, и пусть там сменились за это время три директора, и пусть все они придерживались разных взглядов и на искусство, и политических – из школы вышла целая плеяда гениев, которые реализовали свои навыки и свой талант в разных странах. Преподаватели и выпускники Баухауса построили «белый город» Тель-Авива

и небоскребы в Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго и Торонто. Великолепные жилые дома – чего стоят «Вилла Тугендхат», построенная в Брно третьим директором школы Мисом ван дер Роэ, или его же «Стекланный дом» дом в Штатах. Университеты в Нигерии и Чикаго. Музеи и галереи – тот же Мис ван дер Роэ построил здание Новой национальной галереи в Западном Берлине, Марсель Брейер с коллегами – Музей Уитни в Нью-Йорке. Среди работ Брейера – и здание ЮНЕСКО в Париже.

Влияние Баухауса огромно – воздействие его идей на свое творчество признают Норман Фостер, Заха Хадид и десятки знаменитых архитекторов во всем мире. Даниэль Либескинд, известнейший мастер деконструктивизма, сказал недавно:

«Я ходил в школу в Нью-Йорке, в *Cooper Union*, и многие из моих учителей были выпускниками Баухауса. Профессор Ханнес Бекманн, например, который преподавал мне теорию цвета и дизайн, был художником и фотографом, которого учили

в Баухаусе, и учил нас по записям Василия Кандинского и Пауля Клее. Вы можете в это поверить? Он показал мне свои записи с комментариями этих удивительных художников.

Таким образом, у меня был точный курс, который преподавали в Баухаусе, и я изучил красоту и глубину его идей. Иногда Бекманн исправлял нас, используя слова Кандинского, которые я узнал позже, читая его книги. Я думаю, что мне повезло, что я получил удаленное образование в Баухаусе через выпускников в Нью-Йорке. Я бы никогда не сделал то, что делаю, без этого».

Ну а в Дессау стоит приехать минимум на два дня. Чтобы успеть не спеша посетить новый, только что открывшийся в самом центре города музей Баухауса с его 49 тысячами экспонатов. Чтобы побродить по историческому зданию Баухауса и полюбоваться светом, заливающим его залы. Увидеть построенные Гропиусом в районе Дессау-Тертен дома и старую биржу труда. Зайти в «Дома с выходом на балкон», построенные вторым директором Баухауса Ханнесом Майером. Удивиться «Стальному дому», спроектированному Георгом Мухе и Ричардом Пауликом, – красивому, но совершенно непригодному для жизни. Полюбоваться стоящим на берегу Эльбы ресторанным павильоном Корнхаус (Kornhaus), построенным Карлом Фигером.

И, конечно же, зайти в гости к Кандинскому.

